

Т. Никольская

Независимый исследователь, Санкт-Петербург

Михаил Кузмин и Илья Зданевич: к истории отношений

Основные из сохранившихся сведений о творческих и личных контактах М. А. Кузмина и И. М. Зданевича уже введены в научный оборот.¹ Мне остается лишь уточнить и откомментировать некоторые факты. Имя Зданевича встречается в дневниках Кузмина 1915 года. Студент юридического факультета, теоретик группы М. Ф. Ларионова «Ослиный хвост» пригласил с Ю. И. Юркуном. 15 февраля Кузмин записывает: «Пошел к Юр. Там сидел Зданевич».² 16 февраля: «У Юр. был Мосолов и интервьюшник. Раньше Зданевич».³ 7 апреля: «К Юр. У него Зданевич. Обедали втроем. Потом к нему».⁴ 16 апреля: «У Юр. сидел Зданевич».⁵ Бывал Зданевич и в квартире Михаила Алексеевича, например, запись от 8 апреля: «Приходил Зданевич. Потом скучный почему-то Юр.»⁶ и даже запись от 18 апреля, свидетельствующая, что Кузмин отказал Зданевичу от дома, что явилось, видимо, следствием происшествия, случившегося накануне: «Заходил Зданевич, но боясь, что это с вечера, я его не впустил <...> Сошло благополучно».⁷

Вскоре Зданевич уехал на Кавказский фронт в качестве корреспондента газет «Речь» и «Закавказская речь». В Петербург он вернулся только осенью 1916 года сдавать выпускные экзамены. Тогда общение с Кузминым, как личное, так и творческое, продолжилось. Однако встречи Кузмина со Зданевичем, скорее всего, начались в «Бродячей собаке» в 1914 году, где они, возможно, и познакомились. Известно, что Юркун присутствовал 9 апреля 1914 года на докладе Зданевича «Раскраска лица», а Зданевич выступал в «Бродячей со-

баке» в прениях по докладу Кузмина «О современной русской прозе», в котором разбиралось творчество В. В. Хлебникова и повесть Юр. Юркуна «Шведские перчатки». Доклад был прочитан 13 апреля 1914 года.⁸ Кузмин упомянул о выступлении Зданевича в статье «Как я читал доклад в Бродячей собаке», опубликованной в «Синем журнале» в 1914 году: «И. Зданевич доказывал необходимость существования школ как средства для борьбы и полемики и придавал большое значение новизне технических приемов, подтверждая это выдержками из романа Юр. Юркуна».⁹ Любопытно, что доклад Кузмина Зданевич хорошо запомнил. В своем докладе «Поэзия после бани», прочитанном восемь лет спустя в парижском кафе «Хамелеон» (28 апреля 1922) он сказал: «Символист М. Кузмин неоднократно говорил в своих докладах, что никто из современников не знает так и не владеет так русским языком, как Хлебников».¹⁰ Комментаторы этого издания Р. Гейро и С. В. Кудрявцев считают, что скорее всего Зданевич имел в виду именно доклад в «Бродячей собаке», во время которого Кузмин прочел фрагменты из «Смерти Паливоды» Хлебникова, а также главы из печатающегося романа Юр. Юркуна «Шведские перчатки».¹¹

В 1914 же году Кузмин, возможно, участвовал в «Бродячей собаке» в прениях по докладу Зданевича «Поклонение башмаку», прочитанному 17 апреля 1914 года. Во всяком случае, об этом было объявлено.¹² Однако А. В. Крусанов замечает, что «в заметках Зданевича, сделанных по ходу прений, имя Кузмина не зафиксировано».¹³

Творческое пересечение Кузмина и Зданевича осенью 1916 года в Петрограде выразилось в том, что Кузмин написал музыку к первой пьесе, заумной драме («дра») Зданевича «Янко Круль Албанской», точнее, к финалу пьесы, заключительной песне «Сумерки моря». Авторство Кузмина подтвердил Зданевич в письме к В. Ф. Маркову от 10 июня 1966 года:

Дорогой Марков,

Янко Круль Албанской был поставлен журналом «Бескровное убийство» 3.12.1916 (по старому стилю) в мастерской Б. Н. Эссен «Степки», на Казанской улице в Петрограде <...> музыка (для сумеречи моря) поэта Михаила Кузмина.¹⁴

В примечаниях А. В. Крусанова и Е. Р. Обатниной к этому письму, в частности, сказано, что «ноты Кузмина для этой постановки

заумной пьесы Зданевича оказались неопубликованными, но в списке музыкальных произведений Кузмина, им составленным, они упоминаются.¹⁵ Удивляет скорость, с какой должна была быть написана музыка. По свидетельству О. И. Лешковой, пьеса Зданевича по мотивам «албанского номера» рукописного журнала группы художников «Бескровное убийство» была написана за полтора дня: «...в субботу, 3 дек<абря> утром мне сообщили по телефону, что на назначенный в этот день вечеринке в мастерской Бернштейна будет исполняться “Янко 1<-й>, круль албанской” <...> Зданевич же был у нас в среду, пьеса была написана за 1 ½ дня, оказалась забавной инсценировкой эпизода албанского царствования Янки с введением нескольких добавочных ролей».¹⁶ Соответственно, максимум за это же время была написана и музыка Кузмина, о которой с восторгом вспоминает поэтесса Татьяна Вечорка в статье «Заумный язык и дра динамитного денди», датированной 9 марта 1920 года: «Налетел шквал, взбудоражил мирных людей, неожиданно расшвырял их. И вот со смертью Янки все опять успокоилось, волна вошла в обычные берега и умиротворенно застыла <...> и только издалека из-за сцены, слышится <...> тягуче-элегическая песня, кстати сказать, положенная на удивительно красивую музыку поэтом М. Кузминым...»¹⁷

Вечорка видела вторую постановку пьесы, состоявшуюся в Петрограде в 1917 году, это явствует из ее описания спектакля. В первом же варианте пьесы не было финала (в котором происходит смерть главного героя Янко), это следует из свидетельства О. И. Лешковой, видевшей первую версию драмы Зданевича. В конце 1916 года Зданевич нашел издателя для пьесы, обработал и завершил свою драму. По словам Лешковой, Зданевич хотел издать пьесу с нотами. «Музыку собирался писать Кузмин, но Зданевич не согласился почему-то и просил меня».¹⁸ В итоге Лешкова написала часть музыки, которую передала Зданевичу. Однако идея опубликовать ноты отпала из-за дороговизны, не вышла, возможно, по цензурным соображениям, и сама книга.¹⁹

Как отнесся Кузмин к отказу Зданевича от его музыки к пьесе — неизвестно. Весной 1917 года сотрудничество поэтов продолжилось, на этот раз, на общественной ниве. Зданевич проявил бурную деятельность, направленную на защиту прав художников от монополии государства. Он выступил против предложенного А. Н. Бенуа проекта

создания Министерства искусств и стал во главе «блока левых», объединившихся в федерацию «Свобода искусству». При этом союзе в конце марта было организовано общество «Искусство. Революция» под председательством художника Н. Ф. Лапшина, в которое вошли и Зданевич, и Кузмин, а также В. Б. Шкловский, Вс. Э. Мейерхольд, Натан Венгров, художники Н. И. Альтман, В. М. Ермолаева и др. Общество просуществовало до середины мая 1917 года. Делегаты от общества принимали участие в работе созданного в конце марта Союза деятелей искусств, который в апреле 1917 года составил наказ Временному правительству. Согласно этому документу, «устройство художественной жизни в нашем обширном отечестве не должно зависеть <...> ни от какого бы то ни было бюрократического учреждения, в том числе Министерства изящных искусств, а единственно только от мира художественного, свободного и широко организованного на началах равного представительства от всех художественных течений...»²⁰

В мае 1917 года Зданевич уехал из Петрограда в Грузию, где был, наряду с А. Е. Крученых и И. Г. Терентьевым, создателем группы футуристов-заумников «41°». В 1918 году он наконец издал в Тифлисе свою первую пьесу «Янко Круль Албанская», за которой последовали три другие. В 1920 году Зданевич через Константинополь, где пробыл год и работал над своей последней пьесой «ЛидантЮ фАрам», приехал в Париж. В столице Франции он воссоздал «Университет 41°», сблизился с русскими художниками и французскими дадаистами. В Советский Союз он не приезжал, но переписку с друзьями продолжал до начала 1930-х, в том числе он переписывался с И. Г. Терентьевым, который в 1923 году, приехав в Петроград, занялся лекционной и театральной работой, заведовал фонологической лабораторией в Музее Художественной Культуры. В письме к Зданевичу от 5 февраля 1924 года Терентьев подробно описывает свою бурную деятельность и сообщает, в частности, о том, что читал свою пьесу «Йордано Бруно» в квартире театрального режиссера Н. Н. Евреинова, с которым познакомился в Тифлисе в 1919 году: «У Евреинова присутствовали на сеансе Кузмин, Юркун и еще человек 20 неизвестных мне знаменитостей <...> Кузмин просил кланяться тебе. Он стар, как жопа».²¹ О том, какого числа происходило чтение пьесы, Терентьев не сообщает. Точную дату по-

могает установить запись в дневнике Кузмина. 23 января 1924 года он отмечает: «...я придумал пойти к Евреинову <...> У Евреиновых <...> Терентьев читал пьесы...».²²

Уже 16 февраля 1924 года Кузмин записал в дневнике: «Зданевич прислал мне книгу из Парижа. Забавно». Скорее всего, Зданевич прислал Кузмину свою последнюю пьесу «ЛидантЮ фАрам», вышедшую в Париже в августе 1923 года и завершающую своего рода пенталогию, начатую написанной в 1916 году пьесой «Янко Круль Албанской», музыку к первой постановке которой написал Кузмин. Ответил ли Кузмин на присылку книги, неизвестно. В 1930 году Зданевич издал в Париже за свой счет роман «Восхищение». В списке для рассылки книги имеются фамилии Кузмина и Юркуна. Михаилу Алексеичу «Восхищение» было выслано 16 мая 1930 года (дата высылки романа Юркуну отсутствует²³). К сожалению, дневник Кузмина за 1930 год не сохранился и узнать мнение писателя об этом мифопоэтическом произведении невозможно.

¹ См.: *Кузмин М.* Дневник 1908–1915. СПб., 2005, по указ.; *Крусанов А.* Русский авангард. Т. 1. Кн. 2. М., 2010; *Крусанов А.* Русский авангард. Т. 2. Кн. 1. М., 2003, по указ.; *Крусанов А., Обатнина Е.* Переписка В. Ф. Маркова и И. М. Зданевича 1962–1970 // Ильязд. XX век Ильи Зданевича / Сост. Б. М. Фридман. М., 2013. С. 243–299; *Гейро Р., Кудрявцев С.* Комментарии // Зданевич И. (Ильязд). Дом на говне: Доклады и выступления в Париже и Берлине 1921–1926. М., 2021. С. 564–565; *Кудрявцев С., Гейро Р.* Списки имен и организаций для передачи экземпляров «Восхищения» 1930 // Зданевич (Ильязд). Восхищение: Роман. М., 2022. С. 231–234, 277–278).

² *Кузмин М.* Дневник 1908–1915. С. 517.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 525.

⁵ Там же. С. 527.

⁶ Там же. С. 525.

⁷ Там же. С. 528.

⁸ *Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы Бродячей собаки // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник 1983. Л., 1985. С. 233–234.

⁹ *Кузмин М.* Как я читал доклад в «Бродячей собаке» // Синий журнал. 1914. № 18. С. 6.

¹⁰ *Зданевич И.* Поэзия после бани // Зданевич И. Дом на говне: Доклады и выступления в Париже и Берлине 1921–1926. С. 161.

¹¹ Там же. С. 564.

¹² *Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы Бродячей собаки. С. 234.

¹³ Крусанов А., Обатнина Е. Переписка В. Ф. Маркова и И. М. Зданевича 1962–1970. М., 2018. С. 285.

¹⁴ Ильязд. XX век Ильи Зданевича. С. 283.

¹⁵ Два раза за 1917 в двух разных списках: РГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 43 (на л. 7 об. отмечено «Зданевич. Баркарола», на л. 10 — «Зданевич»). Благодарю П. В. Дмитриева за эту архивную справку.

¹⁶ РГАЛИ, ф. 792, оп. 2, ед. хр. 16, л. 17 об. Письмо О. Лешковой к М. Ле-Дантю от 8 декабря 1910. Цит. по: Крусанов А. Русский авангард. Т. 1. Кн. 2. С. 833.

¹⁷ Вечорка (Толстая) Т. Портреты без ретуши. М., 2007. С. 196.

¹⁸ Крусанов А. Русский авангард. Т. 1. Кн. 2. С. 836.

¹⁹ Подробнее см.: Крусанов А. Русский авангард. Т. 1. Кн. 2. С. 837.

²⁰ Крусанов А. Русский авангард. Т. 1. Кн. 2. С. 20.

²¹ Терентьев И. Вот трагедия «Юрдано Бруно» в наборе и в авторской рукописи — письмо Илье Зданевичу. М., 2000. С. 5.

²² Благодарю Е. В. Евдокимова, сделавшего по моей просьбе выписки из неопубликованного дневника Кузмина 1924.

²³ См.: Кудрявцев С., Гейро Р. Списки имен и организаций для передачи экземпляров «Восхищения» 1930 // Зданевич (Ильязд). Восхищение: Роман. М., 2022. С. 233–234, 238.